

Ну, что будет с Россией, если мы, последние могоканы, умрём?

Из письма Ф. М. Достоевского
К. П. Победоносцеву
24 августа / 5 сентября 1879

Величайшие философы, писатели и учёные, композиторы и художники, творившие в России в конце XIX — начале XX веков, в “эпоху мысли и разума”, оставили потомкам глубочайшие философские работы.

Среди выдающихся русских мыслителей того времени особое место занимает Ф. М. Достоевский. Рядом с ним, но в тени его, стоит учёный, философ, правовед, писатель, не оценённый современниками и потомками К. П. Победоносцев. Дружба и идейная близость этих двух людей, их влияние друг на друга, на верховную власть, а тем самым — на выбор исторического пути развития России, требуют пристального внимания.

К. П. Победоносцев происходил из интеллигентной семьи. Его отец был профессором словесности в Московском университете, а дед — священником Звенигородского уезда. После окончания Императорского училища правоведения Константин Петрович служил в Правительственном сенате, а после защиты диссертации был избран профессором Московского университета. В конце 50-х XIX века он получил известность как писатель-публицист либерального направления, а его памфлет против министра юстиции был опубликован в Лондоне Александром Герценом.

В начале 1860 года вышел в свет первый том “Курса гражданского права”. По оценке газеты “Россия” (1907), “этой книгой Победоносцев создал науку русского гражданского права, и потому он по справедливости может называться отцом и родоначальником этой науки”.

Победоносцев быстро завоевал авторитет как знаток права. Крупный саванник, писатель Е. М. Феоктистов (1829–1898) писал, что Победоносцев “обладал умом недюжинным, живым и отзывчивым, всё его интересовало, ни к чему не относился он безучастно; образование его было многостороннее и основательное, не говоря уже об юридических и церковных вопросах, занимавших его издавна, и в литературе, и в науке, и даже в искусстве обнаруживал он солидные сведения. Он всё мог понять и о многом судил верно”¹.

В публикациях учёных, писателей, философов и журналистов, в статьях и книгах XX века оценки К. П. Победоносцева были очень высоки. А. Ф. Кони:

“Ум острый и тонкий, непререкаемый авторитет”. Б. Б. Глинский: “Явление необычайного порядка”. Н. А. Бердяев: “Духовный вождь монархической России”. В. В. Розанов: “Доблестный и малопонятый государственный муж”. Г. В. Флоровский: “Символ эпохи”. По характеристике С. Ю. Витте, это был “редкий государственный человек по своему уму, по своей культуре и по своей личной незаинтересованности”².

Поэт Александр Блок сказал о Победоносцеве и его эпохе в поэме “Возмездие” (1911 г.): “Он дивным кругом очертил Россию, заглянув ей в очи стеклянным взором колдуна”.

Многие знавшие его констатировали, что он отличался широкой начитанностью, выступал в печати как переводчик с латинского (сочинения Фомы Кемпийского, Августина Блаженного), английского (переводил работы Гладстона, Спенсера, Карлейля, Эмерсона), а также с французского, немецкого и чешского языков. Французский дипломат и литератор Мельхиор де Воюэ, лично знавший Победоносцева, свидетельствовал, что тот любил весьма далёких от православия Шелли, Суинберна, Броунинга. Последней литературной работой Победоносцева был перевод на русский язык “Нового Завета”. Он также написал “Историю Православной Церкви до начала разделения церкви”.

Император Александр II по достоинству оценивал Константина Петровича, выступавшего в те годы в защиту реформ. С 1868 года Победоносцев был назначен сенатором, а с 1872 года стал членом законосовещательного органа Государственного совета; в 1880 году — обер-прокурором Синода.

В конце 70-х годов в мировоззрении Константина Петровича произошли существенные перемены. Историческая ломка, начавшаяся в 60-х годах XIX века с отменой крепостного права, грозила России невиданными по размаху социальными, техническими, идейными и нравственными изменениями. Преобразования 60–70-х годов, проведённые Александром II, породили в огромной степени ещё более острые проблемы и противоречия. По словам К. П. Победоносцева, “перестройка (термин из того времени. — Ю. К.), начатая Александром II и многими мыслящими людьми поддержанная, скоро продемонстрировала разрушительные последствия буржуазной эволюции”. Общество стало терять равновесие. Нравственное, моральное разложение затронуло все слои общества. Кризисное состояние политической власти грозило коллапсом.

Многие видные политические и общественные деятели как консервативного, так и либерального направления (к примеру, либерал Б. Н. Чичерин) считали, что в России нет ещё нужных условий для перехода к конституционному режиму, а проведение либеральных реформ возможно лишь при наличии твёрдой государственной власти. В 1881 году Чичерин писал: “Казалось бы, что совершённые преобразования должны были поднять русскую жизнь на новую высоту, дать крылья слишком долго скованному народному духу. А между тем, в действительности произошло не то. Вместо подъёма мы видим упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материальный. Вместо нового благотворного порядка везде ощущается разлад. Повсюду неудовольствие, повсюду недоумение. Правительство не доверяет обществу, общество не доверяет правительству. Нигде нет ни ясной мысли, ни руководящей воли. Россия представляет какой-то хаос, среди которого решительно проявляются одни разрушительные элементы, которые с неслыханной дерзостью проводят свои замыслы, угрожая гибелью не только правительству, но и всему общественному строю. Последнее злодеяние переполнило меру; оно показало, что мы должны ежеминутно трепетать за самые священные основы народной жизни...”³

Известный русский педагог С. А. Рачинский, посетивший Петербург в дни воцарения Александра III на престоле, писал в своём дневнике: “Вообще чувствуется близость катастрофы. Весь Петербург снизу доверху бредит конституцией, и единственный оплот против всеобщего безумия — Победоносцев. Интригам и сплетням против него нет конца. Власти нигде не чувствуется, остался только её призрак. Если государь не возьмёт всего в руки сам — потрясения неизбежны”⁴.

К. П. Победоносцев, превратившийся в это время из умеренного либерала в образцового консерватора, видел спасение России в обращении к её

историческим традициям. Философ Василий Розанов писал о нём: “Победоносцев нервно ненавидел общество и общественность, и в этом отношении произносил слова удивительной дерзости, но уже по их темпераменту и вообще по отсутствию в нём лукавства, хитрости, двуличия, притворства, заискивания, по этому свободному прекрасному в нём духу, он был наш! Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь — улицы”⁵.

* * *

Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе, прекрасное, ободрившее меня письмо... потому что я как человек всегда нуждаюсь в одобрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю... мнение таких людей, как Вы, — решительная для меня поддержка.

Из письма Ф. М. Достоевского
К. П. Победоносцеву, август
1880

Летом 1873 года Победоносцев становится помощником Достоевского в редакции журнала “Гражданин”, работая с ним вместе над редактированием поступающих в редакцию материалов. Из письма Ф. М. Достоевского жене Анне Григорьевне от 26 июля 1873 года: “Вчера приехал Победоносцев, был в редакции, ждал меня, но я не был, и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Всё говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду болен, то дать ему знать, и он сам ко мне приедет сидеть. Укутал меня пледом, и так как кроме служанки в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трём тёмным лестницам вниз, со свечой в руках, до самого подъезда. На острове Вайте читал моё “Преступление и наказание” (в первый раз в жизни) по рекомендации одного лица, слишком известного тебе одного моего почитателя, который сопровождал его в Англию, следовательно, дела ещё не совсем плохи”⁶.

Речи Победоносцева в Сенате и Государственном совете, отличавшиеся железной логикой и силой убеждения, приковывали всеобщее внимание. Часто они были резкими и безапелляционными, вплоть до того, что он мог заявить, что ему надоело слушать “болтовню” на заседаниях Совета. Однако его ум и широкая образованность вызывали у окружающих невольное уважение. Известный юрист А. Ф. Кони писал в своих воспоминаниях, что большинство выступавших на заседаниях Совета постоянно смотрели в его сторону, “жадно отыскивая в сухих чертах его аскетического лица знак одобрения или сочувствия тому, что они говорили, поддельваясь под взгляды “великого инквизитора”, как они его заочно называли”⁷.

Дружбой с Победоносцевым дорожили многие русские писатели, поэты, художники и литераторы, в том числе И. С. Аксаков, А. Н. Майков, А. А. Фет, Я. П. Полонский, художники В. М. Васнецов, И. Н. Крамской, композиторы П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков и многие-многие другие⁸. Но дружба, возникшая у К. П. Победоносцева и Ф. М. Достоевского, носила особый характер.

На первый взгляд, эта дружба в глазах некоторых соотечественников казалась парадоксальной. Бывший социалист и каторжник, азартный игрок Ф. М. Достоевский не мог иметь ничего общего с обер-прокурором Синода, сенатором-консерватором, “противником реформ”, наставником царских детей К. П. Победоносцевым. В действительности, эти два человека в столь сложный момент российской истории оказались в одном политическом лагере, ибо их идейная близость была чрезвычайной.

Если в 40-х годах Достоевский выступал как оппозиционер существующему строю и был даже замешан в революционной пропаганде петрашевцев, то в последующие годы, после возвращения с каторги в его мировоззрении произошёл резкий поворот.

В 70-х годах он становится активным сторонником монархии, выступая за сильную государственную власть. Редактирование журнала “Гражданин”, откликнувшегося на все волнующие вопросы внутренней и внешней политики, общение с руководителями правительственного курса делают Достоевского одним из влиятельнейших людей в вопросах воздействия на общественное мнение и умы интеллигенции. Он получает в России настоящую политическую трибуну. Его публицистические произведения принимают резкую идеологическую заострѐнность. Его философские идеи, опирающиеся на широкие исторические основы о всеславянском единении, о призвании русских в Азии и на Босфоре, о цивилизаторской роли России на Ближнем Востоке, приобретают большую популярность в широких общественных кругах и на верхних этажах государственной власти⁹.

* * *

Очень бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень.

Из письма Ф. М. Достоевского
К. П. Победоносцеву, 24 августа / 5 сентября 1879

Из их переписки видно, что Победоносцев постоянно снабжал Достоевского материалами для его “Дневника писателя”, давая каждому выпуску обстоятельную оценку. Постепенно он становится его консультантом по вопросам текущей государственной политики. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 года: “С будущего же года, уже решил теперь непременно, возобновлю “Дневник писателя”. Тогда опять прибегну к Вам (как прибегал и в оны дни) за указаниями, в коих, верю горячо, мне не откажете”.

“Если напишете мне хоть полсловечка, то сильно поддержите дух мой... от Вас всегда услышишь живое и подкрепляющее слово, а я именно в подкреплении нуждался. Ваш совершенно преданный всегдашний слуга Ф. Достоевский”¹⁰. “Как я радуюсь полученному от Вас известию о скором выпуске “Дневника”, — писал в ответном письме 2 августа 1880 года Победоносцев. — В добрый час и благослови Вас Боже! Лишь бы Ваша мысль стояла в Вас самих ясно и твёрдо, в вере, а не в колебании, — тогда нечего обращать внимание на то, как она отразится в разбитых зеркалах — еже есть журналы и газеты наши. Пусть блядословят сколько угодно: Ваша речь найдѐт себе дорогу сквозь весь этот лай паршивых шавок”¹¹.

Они познакомились зимой 1871/1872 года в доме князя В. П. Мещерского¹², регулярно встречались в петербургских салонах на “средах” у князя В. П. Мещерского, на “пятницах” у Я. П. Полонского¹³, на вечерах у великого князя К. К. Романова¹⁴. Но самыми творческими встречами были их встречи по субботам на квартире К. П. Победоносцева на Литейном проспекте. Задуманные беседы, в которых они обсуждали философские и религиозные проблемы бытия и мироздания, пути развития дорогой им России, а также сюжеты произведений Ф. М. Достоевского, длились далеко за полночь. “Для него исключительно у меня был назначен вечер субботний, — писал К. П. Победоносцев писателю И. С. Аксакову в дни похорон Достоевского, — и он нередко приходил проводить его вместе со мной, и своего “Зосиму” он задумывал по моим указаниям: много было между нами задуманных речей”. Благодаря жене Фёдора Михайловича — А. Г. Достоевскую — за присылку нового издания “Братьев Карамазовых”, К. П. Победоносцев в письме от 10 марта 1904 года писал ей: “В ту пору ходил он ко мне по субботам вечером и с волнением рассказывал новые сцены романа”¹⁵.

Во многом они были единомышленниками, одинаково смотрели на многие явления жизни, одинаково их оценивая. 19 мая 1879 года Достоевский писал Победоносцеву из Старой Руссы о смысле книги “Pro и contra”, о богохульстве и опровержении богохульства: “Богохульство это взяла, как сам чувствовал и понимал сильнее, то есть так именно, как происходит оно у нас теперь в нашей России у всего (почти) верхнего слоя, а преимущественно у молодѐжи, то есть научное и философское опровержение бытия Божия уже заброшено, им не занимаются вовсе теперешние деловые социалисты (как занимались во всё

прошлом столетии и в первую половину нынешнего). Зато отрицается изом всех сил создание Божие, мир Божий и смысл его”.

“В беседах Победоносцева с Достоевским, — пишет исследователь Достоевского Л. Гроссман, опубликовавший в 1934 году сорок писем Победоносцева к Достоевскому, — было нечто, напоминающее философские диалоги, диспуты или исповеди его романов”. Л. Гроссман проводит параллель между тонким стилистом старцем Тихоном, читающим исповедь Ставрогина, и Победоносцевым, читающим рукопись Достоевского”¹⁶.

* * *

...Примите уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да не я один, а все, от Вашей новой прекрасной деятельности. Ваш приверженец и почитатель.

Из письма Ф. М. Достоевского
К. П. Победоносцеву

Влияние Победоносцева на Достоевского во время работы последнего над “Карамазовыми” было очень значительным. Фёдор Михайлович принимал руководство над ним с благодарностью, просил отзывать, разъяснял свои позиции, искал поддержки, делился планами и замыслами.

Из письма Победоносцева Достоевскому от 16 августа 1879 года: “Рад душевно тому, что вы сообщаете мне о новой книге “Карамазовых”. Буду ждать нетерпеливо выхода августовской книги Р. В. (“Российский Вестник” — Ю. К.)...”¹⁷.

“...“Дневник” Вам непременно надобно издать в следующем году... к этому Вы нравственно обязаны”, — писал Победоносцев Достоевскому в другом письме¹⁸.

Фёдор Михайлович в своих корреспонденциях Победоносцеву открыто признавался, что приезжает к нему, чтобы “дух лечить” и “ловить слова напутствия”, и особо подчёркивал “полную идейную солидарность”. “Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе, прекрасное, ободрившее меня письмо, — писал Фёдор Михайлович в августе 1880 года. — Именно ободрившее, потому что я как человек всегда нуждаюсь в одобрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю... мнение таких людей, как Вы, — решительная для меня поддержка”. Из письма от 19 мая 1880 года: “Мою речь о Пушкине я подготовил и как раз в самом крайнем духе моих (наших, то есть, осмелюсь так выразиться) убеждений, а потому я жду, может быть, некого поношения”¹⁹.

24 августа / 5 сентября 1879 года Достоевский пишет из Эмса Победоносцеву о книге “Русский иннок” и в конце письма замечает: “... Во всяком случае, очень беспокоюсь и очень бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень. Писал же с большой любовью”. Заключительная часть письма свидетельствовала об истинных чувствах, которые испытывал Достоевский к Победоносцеву, глубокоом его уважении к нему и полном взаимопонимании. “До свидания, добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам Бог много лет здравствовать — лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить. У меня порою мелькает глупенькая и грешная мысль: ну, что будет с Россией, если мы, последние могикане, умрём? Правда, сейчас же и усмехнусь на себя. Тем не менее, всё-таки мы должны и неустанно делать. А Вы ли не деятель?”

Фёдор Михайлович в своих письмах постоянно выражает своё восхищение личностью Победоносцева. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 года: “... За Вашу драгоценную деятельность слежу по газетам. Великолепную речь Вашу воспитанникам читал в “Московских новостях”. Примите, глубокоуважаемый Константин Петрович, уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да и не я один, а все, от Вашей новой прекрасной деятельности, Ваш приверженец и почитатель Ф. Достоевский”²⁰.

Незадолго до своей смерти К. П. Победоносцев в письме от 24 ноября 1906 года вдове писателя А. Г. Достоевской напишет: “Немного уже осталось старых друзей его — и я ещё доживаю, и думаю, что счастливы многие, не дожившие до нашего времени. Моё знакомство с ним не с ранних годов. Оно началось с вечеров у Мещерского, а потом мы сошлись ближе, и я помогал ему работать, когда свалился ему на шею “Гражданин”. А в последние годы часто приходил он ко мне по субботам на беседу — и, как теперь помню, как бывало, одушевлялся и бега по комнате, рассказывал он главы “Карамазовых”, которые писал тогда”.

Действительно, многие персонажи, их мысли и действия в произведениях Достоевского были подсказаны ему К. П. Победоносцевым. Его критических отзывов на написанные главы писатель ждал, и часто они становились руководством для дальнейшего воплощения творческих замыслов.

Не все современники знали о дружбе этих двух великих русских людей. Однако известный художник-психолог М. Нестеров в своих воспоминаниях, описывая приезд Победоносцева на открытие Владимирского собора в Киеве в 1896 году, напишет следующее: “А вот и сам Константин Петрович подходит к нам. Его суровости как не бывало. Он весь сияет. Это его праздник. Ведь он всю жизнь искал в людях намёка на идеалы, на их осуществление, и вот тут (речь идёт об освящении Владимирского собора в Киеве, в росписях которого участвовали Васнецов и Нестеров. — Ю. К.) ему кажется, это осуществление есть... Он всячески спешит нас приветствовать, обласкать, говорит с нами совсем не “победоносцевски”, а просто, задушевно, горячо, вот так, должно быть, он говорил и о многом с Ф. М. Достоевским”²¹.

Как для Достоевского, так и для Победоносцева было характерно необычайно ясное и углублённое видение тогдашних процессов всемирно-исторического развития. Оба философа с поразительной остротой и глубиной осознали всю грандиозность и далеко идущие последствия исторической ломки, начавшейся в России в 60-х годах XIX века, которые окажут на Россию и весь мир большое влияние. Достоевский писал, что в современном ему обществе господствует “чрезвычайное экономическое и нравственное потрясение... Прежний мир, прежний порядок отошёл безвозвратно... Всё переходное, всё шатающееся...” После написания “Преступления и наказания” он заметил: “Порассказать таково то, что мы все русские пережили в последние десять лет в нашем духовном развитии, — да разве не закричат, что это фантазия!”²² Оба философа были едины во мнении, что реформаторские усилия в стране направлены более на разрушение, чем на созидание.

По мнению Фёдора Михайловича, Россия уже тогда стояла перед революцией. “Колеблясь над бездной” — так определил эту ситуацию писатель. Главная идея Победоносцева о создании сильной монархии путём восстановления в русской жизни допетровской церковности находит отклик у Достоевского. Достоевский высоко ценил в Победоносцеве глубокое понимание им роли самодержавия, Православия, Церкви. “Царь для народа не внешняя сила, не сила какого-то победителя (как было, например, с династиями прежних королей во Франции), а всенародная, всё единящая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую он возлюбил... Для народа царь есть воплощение его самого, весь его идеал надежд и верований его”. Таким образом, самодержавие Достоевский рассматривал как категорию духовного порядка: “У нас, русских, — писал он, — конечно, две страшные силы, стоящие всех остальных во всём мире, — нераздельность миллионов народа нашего и теснейшее соединение его с монархом. Народ — сын царёв, а царь — отец его”²³.

Победоносцев считал, что самодержавная монархия гораздо более открыта перед своими подданными, ибо в ней нет лживости представительного правления. Переключаясь с Достоевским, он в “Морском сборнике” отмечал: “Доверие массы народа к правителям основано на вере, т. е. не только на единоверии народа с правительством, но и на простой уверенности в том, что правительство имеет веру и по вере действует. Поэтому даже язычники и магометане больше имеют доверия и уважения к такому правительству, которое стоит на твёрдых началах верования — какого бы то ни было, нежели к правительству, которое не признаёт своей веры и ко всем верованиям относится одинаково”²⁴.

По мнению Константина Петровича, “уберечь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от гибельной заразы нелепых возмутительных учений можно только посредством Церкви и школы, связанной с Церковью”²⁵.

По Достоевскому, “нравственные идеи народа даются религией или формируются народной религией. Чтоб отвергнуть и разбить старые начала, собственность, семью и пр., надо разбить старую веру, они и объявили, что они атеисты.

У нас вся народность основана на христианстве. Слово “крестьянин”, слова “Русь православная” — суть коренные наши основы. У нас русский, отрицающий народность (а таких много), есть непременно атеист или равнодушный. Обратно: всякий неверующий и равнодушный решительно не может понять и никогда не поймёт ни русского народа, ни русской народности...”²⁶

Согласно Достоевскому и Победоносцеву, союз Церкви и монархического государства определён историческими особенностями России, и, по мнению обоих философов, союз их жизненно необходим. Монархическая власть, стоящая на православной вере, является главным фактором формирования и развития национального самосознания, а отсюда — культурного развития в самых разных областях русской жизни.

“В Православной вере Россия нашла духовную стихию, которая её спасла, — писал Победоносцев. — Только полная самобытность веры, от которой не должно быть никаких отступлений, спасёт сейчас Россию, когда происходят столь бурные религиозные и политические события на Востоке и на Западе... Важнейший исторический долг, жизненная потребность России — сохранить Православную веру от всех нападков, с какой бы стороны они ни исходили”.

Фёдора Михайловича, как и Константина Петровича, интересовал явный и скрытый смысл таких понятий, как “реформы”, “демократия”, “либерализм”, “свобода”, “народоправие”, “роль интеллигенции в обществе”, “нравственность”. Оба философа задавались вопросом: в какую форму выльется европейский опыт в России?

“Они (европейцы. — Ю. К.) признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами. Они признают нас за воров, укравших у них прощение, в их платье переодетых. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несём вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина! И это несмотря на то, что наши “русские европейцы” изо всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может, что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать... Европа нас готова хвалить, по голове гладить, но своими нас не признаёт, презирует нас втайне и явно, считая низшими себе как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями”.

Развивая эту мысль, Достоевский в “Дневнике писателя” писал: “... русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способна изо всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта, это никакая другая, это лишь нравственная черта...”

В “Морском сборнике” К. П. Победоносцев напишет: “Горький исторический опыт показывает, что демократы как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих столь сильно негодовали. Демократическая форма правления — самая сложная и самая затруднительная из всех известных в истории человечества. Вот причина, почему эта форма повсюду была преходящим явлением и, за немногими исключениями, нигде не держалась долго, уступая место другим формам. И не удивительно. Государственная власть призвана действовать и распоряжаться; действия её суть проявления единой воли — и без этого немыслимо никакое правительство. Но в каком смысле множество людей или собрание народное может проявить единую волю? Демократическая фразеология не останавливается на решении этого вопроса, отвечая на него известными фразами и поговорками, вроде таких, например: “воля народная”, “общественное мнение”, “верховное решение нации”²⁷.

По мнению Победоносцева, “парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия, и личных интересов представителей”.

Особенно близким для обоих мыслителей было философское обоснование понятия “свободы”, о котором так много шума подняла тогда либеральная

пресса. “В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, — писал Достоевский в “Дневнике...”, — тогда как настоящая свобода — лишь в одолении себя и воли своей, так, чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтобы всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведёт лишь к рабству вашему... Вот почему чуть-чуть не весь нынешний мир полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение... А между тем, это, в сущности, не свобода, а опять-таки рабство, рабство от денег”²⁸.

О необходимости установления “предела свободы для человеческой личности” писал и К. П. Победоносцев. Из его наставлений великому князю Сергею Александровичу, брату цесаревича Александра Александровича: “Всё, что есть в жизни, — добро, правда, любовь, знание, чистота, разум — всё это, как сказано в Царствии Божьем, — нудится, и нуждницы восхищают её. Вся тайна возрастания в силу заключается в одном слове — “самоограничение, воздержание”. Надобно смолоду привыкнуть стеснять себя, показать себе предел, лишать себя во имя долга и правды. Кто не выработал в себе этой привычки, тому нет спасения”²⁹.

Рассуждая об интеллигенции, Достоевский призывал её “на время замолкнуть”, “слушать голос народа” и “поучиться у него социальному жизнепониманию”. В таком случае “пало бы высокомерие и родилось бы уважение к земле. Совсем новая идея вошла бы вдруг в нашу душу и освятила бы в ней всё, что пребывало до сих пор во мраке, светом своим обличила бы ложь и прогнала её. И кто знает, может быть, это было бы началом, которое по значению своему даже могло быть выше крестьянской...”

Характеризуя основные черты русского либерализма, Фёдор Михайлович писал, что это “страшное презрение к народу... Русскому народу ни за что в мире не простят желания быть самим собой... Все черты народа осмеяны и преданы позору. Скажут, тёмное царство осмеяно, но в том-то и дело, что вместе с тёмным царством осмеяно всё светлое. Вот светлое-то и противно: вера, кротость, подчинение воле Божьей. Самостоятельный склад наш, самостоятельный склад понятий о власти”. Что касается либералов, то Достоевский в подготовительных материалах к “Бесам” (1870) в их адрес делал следующие оценки: “Наши либералы — самые отсталые ретрограды... Партия национальная — лишь залог силы и будущности...”

Но главный вопрос, который волновал обоих философов, был вопрос о путях дальнейшего пути развития России. “Такой высокий организм, как Россия, должен снять и огромным духовным значением... Одной материальной выгодой, одним “хлебом” такой высокий организм, как Россия, не может удовлетвориться. И это не идеал и не фразы: ответ на то, что весь русский народ и всё движение его в этом году... Такой народ не может внушать опасения за порядок, это не народ беспорядка, а народ твёрдого воззрения и уже ничем непоколебимых правил, народ — любитель жертв и ищущий правды, и знающий, где она, народ крепкий, но сильный, честный и чистый сердцем, как один из высоких идеалов его — богатырь Илья Муромец, чтимый им за святого. Сердце хранителя такого народа должно радоваться на такой народ, и оно радуется, и народ про это знает”³⁰.

По убеждению Достоевского, “нации живут великим чувством и великою, всех единящею и всех освещающею мыслью, наконец, когда народ невольно признаёт верховных людей с ним заодно, из чего рождается национальная сила, — вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля”. И далее: “Общество основывается на началах нравственных: на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы ничего не основывается”.

В романе “Братья Карамазовы” содержится пророчество Достоевского о путях и целях России. Законченная концепция “русского пути” была изложена Достоевским 8 июня 1880 года в речи на открытии памятника Пушкину в Москве, написанной не без влияния Победоносцева.

* * *

Царская власть высоко оценит и писателя Ф. М. Достоевского. Она признает его “как выразителя своих основополагающих воззрений и предначертаний”. Среди его почитателей — члены Императорской семьи, особенно её

молодые представители. Сыновья Александра II Сергея и Павел Александровичи зачитываются произведениями Фёдора Михайловича. Знает книги Достоевского и Александр II. Он высоко ценит преданность писателя самодержавию, его мысли о необходимости воспитания молодёжи в Православии и высоконравственном духе. В начале 1878 года по просьбе Императора Достоевского посещает воспитатель царских детей Д. С. Арсеньев. От имени царя он передаёт ему просьбу, “чтобы Фёдор Михайлович своими беседами повлиять благотворно на юных великих князей”. Встречи с Фёдором Михайловичем оказались благотворными для Сергея и Павла, и приглашения Достоевского со стороны членов царской семьи приняли регулярный характер.

Тесные контакты сложились у Достоевского с семьёй великого князя Константина Николаевича. Из воспоминаний дочери Достоевского: “Дружба моего отца с молодыми князьями длилась до самой его смерти... Он любил их обоих, но отдавал предпочтение Великому князю Константину, в котором угадал будущего поэта...”

Идеи Достоевского оказали большое влияние на формирование мировоззрения великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III. Великий князь Александр Александрович познакомился с романом Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание” в 1860 году. По совету Победоносцева Достоевский послал цесаревичу “Дневники писателя”, а также только что опубликованных “Братьев Карамазовых”.

В конце 1871 – начале 1872 годов Достоевский написал своё первое письмо наследнику. Когда в начале 1873 года вышли отдельным изданием “Бесы”, Достоевский через Победоносцева послал их цесаревичу. 10 февраля 1873 года Достоевский написал наследнику ещё одно письмо.

Зная через К. П. Победоносцева и К. С. Аксакова, что цесаревичу близки идеи русской самобытности, Достоевский вскоре пишет ему новое послание, в котором объясняет, что заставило его написать роман “Братья Карамазовы”. “Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе как русские способность, может быть, принести новый свет миру при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного высокомерия о собственном мировом значении никогда мы не сможем быть великой нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так “высокомерны” в своём самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него – каждая! – хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными”.

16 ноября 1876 года К. П. Победоносцев по просьбе Достоевского передаёт цесаревичу вышедшее издания “Дневника писателя” с сопроводительным письмом: “Ф. М. Достоевский просит меня представить Вам при письме его к Вашему высочеству вышедшие до сих пор номера издания “Дневника писателя”; исполняю это с охотой и притом позволяю себе обратить внимание Ваше на это издание Достоевского. В нём немало статей, написанных с талантом и с чувством”.

В своём письме наследнику престола Фёдор Михайлович обращает его внимание на значение для России и её культуры “русской идеи”: “Нынешние великие силы в истории русской подняли дух и сердце русских людей с неопостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святыни “русской идеи” ярче, чем когда бы то ни было до сих пор. <...> Не мог и я не отозваться всем сердцем моим на всё, что началось и явилось в земле нашей, в справедливом и прекрасном народе нашем. В “Дневнике” моём есть несколько слов, горячо и искренне вырвавшихся из души моей, я помню это...”

Цесаревич стал “почитателем” Достоевского, “почитательницей” таланта великого писателя была и 32-летняя цесаревна Мария Фёдоровна. Ей трижды посчастливилось встретиться с Достоевским.

Встреча Достоевского с наследником престола и цесаревной в Аничковом дворце состоялась 16 декабря 1880 года. 9 декабря 1880 года К. П. Победоносцев писал Достоевскому: “Почтеннейший Фёдор Михайлович. Я предупредил письменно Великого князя, что вы завтра в исходе 12-го часа явитесь в Аничков дворец, чтобы представиться ему и цесаревне. Извольте идти наверх и сказать адъютанту, чтоб об Вас доложили и что цесаревич предупреждён мною”.

Дочь писателя Л. Ф. Достоевская вспоминает об этой встрече: “Их высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу”.

Граф С. Д. Шереметев, историк, предводитель дворянства Московской губернии, констатировал, что “Достоевскому он (Александр III. — Ю. К.) придавал большое значение”. Об этом свидетельствует и письмо К. П. Победоносцева, написанное им после похорон Фёдора Михайловича Александру Александровичу 20 января 1881 года: “Вы знали и ценили покойного Достоевского, по его сочинениям, которые останутся навсегда памятником великого русского таланта. Смерть его — большая потеря и для России. В среде литераторов он — едва ли не один был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающее, как овцы без пастыря, к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благотельно. Многие несчастные молодые люди обращались к нему как к духовнику, словесно и письменно. Теперь некому заменить его”.

В январе 1881 года, когда Ф. М. Достоевский умер, цесаревич и цесаревна выразили глубокое соболезнование семье покойного: “Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря и положительно никто его не заменит. Граф Лорис-Меликов уже докладывал сегодня государю (Александру II. — Ю. К.) об этом и просил разрешения материально помочь семейству Достоевского”. На погребение писателя была выделена большая сумма. Вдове и детям Достоевского назначена пенсия в две тысячи рублей, и, наконец, у церковных властей было получено разрешение похоронить писателя в Александро-Невской лавре. На похоронах русского писателя впервые присутствовал член императорской фамилии — великий князь Дмитрий Константинович. Всё это свидетельствовало о чрезвычайно уважительном отношении царской власти к великому русскому писателю.

А К. П. Победоносцев стал доверенным лицом сначала наследника Николая Александровича, а затем великих князей Александра, Владимира, Сергея и Павла.

Наставничество Победоносцева длилось десятилетия. Россия благодаря Александру III приняла идеологию монархической государственности и русской национальной самобытности, в противовес радикализму и революционному космополитизму, а император Александр III стал великим миротворцем и успокоителем нации.

В последние годы жизни К. П. Победоносцев писал, что истины о совести и Боге, чести, служении отечеству и своему народу уходят, а на место их приходят торжество прагматизма, погоня за успехом, чинами и деньгами. Отвечая на выпады своих врагов в последние годы жизни, Константин Петрович писал: “Меня упрекают, будто я тянул Россию вспять. Но это неверно, а верно то, что я смотрю на Россию как на величественное здание, построенное на прочном фундаменте, с которого разные шарлатаны пытаются его стащить, чего я допустить не желаю. Фундамент этот — Православие и самодержавие. Я ничего не имею против надстроек над зданием, если они отвечают фундаменту и общей архитектуре векового здания, но фундамент должен оставаться прочным и нетронутым”³¹. И далее: “Человек делает историю, но столь же верно и ещё более значительно, что история образует человека. Человек может узнать и объяснить себя не иначе как всюю своей историей”³².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991.

² Витте С. Ю. Избранные воспоминания. Т. 1–3. М., 1960.

³ Чичерин Б. Н. Московский университет // Быть России в благоденствии и славе. М., 2002.

- 4 Русское слово. 1895, 6 июня, №151.
- 5 Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1990.
- 6 Достоевский Ф. М. – Достоевской А. Г. Петербург. 26 июля 1872 г. // Литературное наследство. 1934. №15.
- 7 Кони А. Ф. Собрание сочинений. М., 1966.
- 8 Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Тайный правитель России. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001.
- 9 Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 2009.
- 10 Цит. по: Литературное наследие. 1934, №15. С. 140–142; Достоевский Ф. М. – Победоносцеву К. П. 13 сентября 1879 г. // Красный архив, 1922. Т. 2. С. 247.
- 11 Победоносцев К. П. – Достоевскому Ф. М. 2 августа 1880 г. Ораниенбаум // Литературное наследство. 1934. №15.
- 12 Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) – князь, внук Н. К. Карамзина, писатель–публицист, редактор–издатель журнала “Гражданин” в 1873–1874, редактировавшегося Ф. М. Достоевским.
- 13 Полонский Яков Петрович (1819–1898) – поэт, прозаик. Объединял вокруг себя самых разных писателей, художников, учёных, среди которых были А. А. Фет, А. Н. Майков, К. М. Фофан, С. Я. Надсон и многие другие.
- 14 Романов Константин Константинович (1858–1915) – великий князь, поэт и переводчик, подписывался криптонимом “К. Р.”.
- 15 Литературное наследство. 1934. № 15; Сараскина Л. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М., 2006.
- 16 Гроссман Л. Достоевский и правительственные круги // Литературное наследство. 1934. № 15.
- 17 Победоносцев К. П. – Достоевскому Ф. М. 16 августа 1879 г. // Литературное наследство. 1934. № 15. С. 139.
- 18 Победоносцев К. П. – Достоевскому Ф. М. 12 августа 1880 г. Ораниенбаум // Литературное наследство. 1934. № 15. С. 140.
- 19 Достоевский Ф. М. – Победоносцеву К. П. 19 мая 1880 г. // Литературное наследство. 1934. № 15.
- 20 Достоевский Ф. М. – Победоносцеву К. П. 24 августа / 5 сентября 1879 г. // Литературное наследство. 1934. № 15. С. 90.
- 21 Нестеров М. О пережитом. Воспоминания. М., 2007.
- 22 Собрание мыслей Достоевского. М., 2003. С. 251.
- 23 Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876–1877. М., 2004.
- 24 Победоносцев К. П. Московский сборник. СПб, 1901. С. 15.
- 25 Победоносцев К. П. Церковный вестник. 1888. № 7.
- 26 Собрание мыслей Достоевского. М., 2003.
- 27 Победоносцев К. П. Московский сборник. СПб, 1901.
- 28 Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 1877.
- 29 Приветствие старого воспитателя великому князю Сергею Александровичу в день его совершеннолетия. // Победоносцев и его корреспонденты.
- 30 Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 1876. С. 190.
- 31 Тимофей Прокопов. Советчик царей, оберегатель России. Политический портрет К. П. Победоносцева. // Иные берега, № 3 (35). 2014. С. 120–137.
- 32 Там же. С. 128.